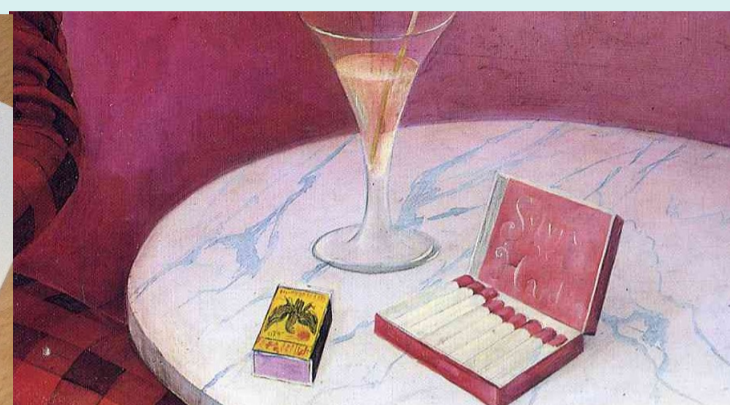

@тудГрад

№81 Февраль - Март 2017

**РАБОЧИЙ КРАИ
РАБОЧИЙ КРАИ
РАБОЧИЙ КРАИ**

**Интервью с Алексеем
Машкевичем о судьбе
городской газеты (с. 2-4)**

**День. Кафедры. ЦКиО. (с. 6) Диалоги об искусстве. Отто
Дикс. (с. 9)**

Иметь или не иметь

Анастасия Короткова

Стоит ли тратить четыре года в стенах вуза, чтобы назваться журналистом?

Кажется, большинство нынешних авторитетов в мире журналистики не имеет профессионального образования. Николай Сванидзе - историк, Евгений Киселев - востоковед, Радзиховский, Познер, и даже наш, например, талантливый журналист Татьяна Половина в студенчестве были далеки от выбранной профессии.

Мы, будучи почти выпускниками отделения журналистики, конечно поздно, но все таки задумались - а нужно ли было тратить столько времени на обучение, чтобы стать журналистами. Надо ли учиться четыре года, а кому-то и больше? Вроде бы работа в масс-медиа - свободная и творческая, а свободе и творчеству тебя никто не научит, талант - он или есть, или его нет. Да, журналистика без сомнений - профессия креативная, но много в ней и от ремесла. Многие считают, что лучшие журналисты - филологи или просто выпускники соответствующего факультета. Действительно, грамотный корреспондент, редактор, да кто угодно, любящий и знающий литературу, нужен в любом СМИ, как традиционном, так и новом. Но в современной журналистике едва ли главным является красота слова. Массовая аудитория требует оперативности и информативности. Еще нельзя оставить без внимания популяризацию нишевой журналистики, особенно печатной. Вот как раз там и могут господствовать авторы, пришедшие из других отраслей.

Редакция «Студграда» провела опрос среди аудитории группы «Подслушано ИвГУ». Планировалось, чтобы отвечали на вопрос «А нужно ли журналистское образование журналисту» выпускники кафедры или хотя бы люди, имеющие отношение к СМИ. Но этого не получилось, поэтому удалось выявить тенденцию: большая часть проголосовавших считала, что журналист и без специального образования может спокойно обойтись. Помимо анонимных респондентов стоило узнать мнение у тех, кто непосредственно занят в системе профессионального обучения.

«Ответ, к сожалению, зависит от переменных, которыми столь богата наша жизнь. Само по себе образование - большая, но потенциальная ценность, символический капитал, который еще надо "обналичить". Хорошая ориентация в, безусловно, необходимой обществу сфере деятельности не помешает. Но, в силу характера журналистского знания, его нужно как можно быстрее конвертировать в "умения и навыки", желательно по ходу учёбы. Тогда еще не забывтая "теория" начнет связываться в крепкий раствор с еще не наскучившей "практикой", и на выходе, в результате синтеза любопытства и упорного труда, может получиться настоящий "профи", которому есть куда расти. И главное - хочется расти. В общем, журналистское образование - подпорка для умных и амбициозных. Необязательная, но бесполезная. И плюньте в глаза тому, кто решает

вопрос обязательности таких вещей за вас. Человек выбирает сам - и расплачивается тоже сам»

Доцент Лакербай Д.А

«Я полагаю, на этот вопрос можно ответить одновременно да и нет. Однозначного решения не существует. Суть в том, что сама по себе журналистика имеет дело с общественным мнением. Следовательно, интересны люди, представляющие самые разные социальные слои, готовые стать экспертами в своей профессиональной деятельности, узкие специалисты. Однако профессионалу в любой другой (даже смежной области), чтобы продуктивно работать в СМИ, нужно постичь их специфику, чтобы овладеть мастерством журналиста.

Я уверен, что дело не в базовой "версии" образования. Если у человека есть стремление учиться, он будет развиваться в нужном направлении самостоятельно. К сожалению или к счастью, получение высшего образования еще ничего не означает. Журналистами не рождаются, ими становятся. Одни приходят за получением профильного образования, другие танцуют от собственной практической деятельности».

Доцент Ивин А.А.

Думаю, что в этом вопросе действительно нет конкретного ответа. Каждый, кто решил связать свою жизнь с журналистикой, должен понять - а нужно ли ему учиться. Высшее профессиональное образование отличное подспорье на этом пути, но не решение всех будущих проблем. Оно открывает дверь, но войти внутрь и пройти путь необходимо самостоятельно.

Анастасия Седова

«Рабочий» Машкевич

После Нового года самой обсуждаемой темой в интеллектуальной среде нашего города стала судьба газеты «Рабочий край», существующей, по данным разных источников, то ли 112, то ли менее 99 лет, но всеми источниками горячо любимой и уважаемой. Вестником и ярким сторонником преобразований (а также злобным гением в умах вышеупомянутой интеллектуальной среды) оказался теперь уже опальный журналист, редактор и издатель Алексей Машкевич. «Студград» решил не отставать от прогрессивной обществу, взяв и пришел на встречу с Алексеем в стенах Ивановского государственного университета, где мэтр посчитал своим долгом разложить по полочкам студентам, что за дискуссия такая с «Рабочим краем», и на какой стороне тут раздадут печенки.

Умрет ли бумажная пресса? Ест ли христианских младенцев Алексей Машкевич? Почему «Рабочий край» - Неуловимый Джо? И надо ли холить и лелеять внеплатных журналистов? Об этом и многом другом в нашем интервью:

А. Машкевич: Вся история ивановских СМИ прошла практически у меня на глазах, с моим участием. Я работал в «Рабочем крае», и я был свидетелем взлета этой газеты, когда она перестала быть органом обкома КПСС и туда пришла команда под руководством Аркадия Романова. Суть в том, что тираж «РК» в то время достигал 75 тысяч экземпляров. Притом, что в Иванове еще издавалась «Ивановская газета» с аналогичным тиражом. Вот тогда, в эпоху отсутствия Интернета и присутствия всего одной телекомпании, это реально была влиятельная, читаемая, знакомая всем газета, которую реально можно было назвать городской. Там работали лучшие журналисты. Но прошло 15 лет, тираж «Рабочего края» упал до 2-х тысяч штук. Я, как независимый редактор, считаю, что газета превратилась в корпоративное издание городской администрации, и основной рассказ в ней о том, сколько ленточек перерезал мэр. Мне обидно.

Когда мы встречались с мэром, с руководителями ивановских СМИ по этому вопросу, они начали давить какими-то авторитетами. Я задал другой вопрос: «Назовите хоть один материал в «РК» за последнее время, который вызвал бы общественную дискуссию». Профессиональное сообщество промолчало. На личной страничке в фейсбуке Леонид Кияшко ответил мне, что большой популярностью пользовался конкурс про птички кормушки. Но вот убей, я не понимаю, какое отношение кормушки имеют к общественно-политической журналистике. Может быть, я уже старый, и я уже чего-то не понимаю. Обидные, может, слова скажу для коллег из «Рабочего края», но сегодня этот МУП, получая 9 миллионов ежегодных дотаций, превратился в **синекуру** для сотрудников, которые, не заботясь о качестве материала, получают зарплаты, и их доход не особо связан с тиражом, который постоянно падает.

Мы, частники, живем в другой ситуации, мы вынуждены зарабатывать деньги, вынуждены искать информацию, которая поможет заработать эти деньги. Мы живем в другой парадигме. И три года назад была попытка сделать идеал городской газеты, как я ее видел, я издавал газету

«1000 домов» для центра города. Мне этот опыт понравился. Хотя у нас и случились разногласия с моим партнером, который променял газету на депутатство и слил проект «Единой России». Но для меня это такая большая похвальба была, что «Единая Россия» отняла у меня проект, но управлять им не смогла, проект загнулся. Тем не менее, тот опыт показал, что люди, которые, может, даже не отягощены каким-то высшим образованием, большими знаниями, они хотят читать, они любят читать, они читают. Единственное что их не интересует – это политика: их не интересует губернатор, их не интересует, куда

«Бумага не умрет!»

поехал, мэр, какие ленточки он перерезал, то есть, их не волнует то, о чем пишет «Рабочий край» на первой полосе. Их привлекает реальная жизнь, реальные проблемы: сколько платить за ЖКХ, что случилось на соседней улице? Я уже тогда выходил на предыдущее руководство города с предложением переделать РК. И дальше, если у меня получится, то есть, когда мы выйдем на окупаемость, перейдем на 4-5 районных изданий. Вот и все. Еще, что хочу добавить: если мои планы сбываются, придется очень много поработать, потому что проект этот стоит не те 9 млн., которые есть в бюджете, а все 16.

Постоянно, в обществе, особенно, среди молодых журналистов, муссируется тема, что бумажные СМИ умирают, что век их уже прошел и надо просто забыть про них и всем уйти в смартфоны. Я принципиально с этим не согласен, как человек уже 12 лет издающий журнал. Умирают плохие неинтересные СМИ. Да, бумага более затратна. Но бумага не умирает. Все ведь предсказали смерть театру, когда появилось радио, но театр жив, он просто стал другим. То есть, так совсем происходит. Интернет-это не СМИ, это всего лишь носитель, и он - не панацея. **Студент:** Во время нашей прошлой встречи пару месяцев назад в разговоре про журнал «1000 экземпляров» вы признались, что, вероятно, в скором времени полностью перейдете с бумаги на сайт «Слухи и факты», потому что он в чем-то опережает даже сам журнал. А сейчас вы говорите, что вы передумали, и бумага не умрет.

А.М: Нет-нет, я не передумал. Не было разговора о скором переходе в Интернет. Я сказал тогда, что понимаю, что неизбежно когда-нибудь уйду из бумаги. Но давайте поговорим как профессионалы. Журнал, издающийся для элиты на глянцевого бумаге – это одно, а издание для бабушек на газетной черно-белой бумаге – это другое. Бабушки не придут в Интернет. У нас есть огромная аудитория 40+, которой жить еще и жить, которая очень слабо дружит с Интернетом, особенно, если это не инженеры и не белые воротнички. А журнал, наверное, когда-нибудь закончится. И мы с вами тоже, наверное, когда-нибудь закончимся.

С: А у меня вопрос такой личный и человеческий. Что будет с людьми, которые сейчас работают в рабочем крае, ведь вы их не возьмете в новое издание. Они просто пойдут на улицу?

А.М: Во-первых, почему такая уверенность, что мы их не возьмем? А еще я ем христианских младенцев! Я еще не знаю, кого мы возьмем. А потом, давайте посмотрим на эту ситуацию с другой стороны. Вымерла вся текстильная промышленность. Вы сидите и плачете по ткачихам? Но при этом лучшие швеи работают, и они нарасхват. И если закрывается газета, а журналист не может найти работу... Если ты хреновый работник, ты в любой отрасли - хреновый работник. Извините мой французский. Если человек за несколько лет не выдал ни одного материала, на который обратили внимание? Ах, журналист!

Да чем журналист отличается от других людей?

С: Просто, как я поняла, вы хотите идти по совсем другой концепции, это будет абсолютно другой РК, которые там работают, даже молодые, они заточены на определенный формат. Когда этого формата не станет, что им делать?

Н. А. Голубев: И людей не станет. Нет человека - нет проблемы.

А.М: В том числе, молодые, ты говоришь? То есть, придя в РК, они получили гарантию, что уйдут на пенсию после этой газеты? Меня другое удивляет. За столько лет в рабочем крае сменилось человек семь редакторов, и никто не вышел с предложениями что-то сделать. Все цепляются за эту дотацию, за эту гарантированную зарплату и ничего не делают. Я сейчас говорю не только о количественных показателях, но и о качественных. Где это качество? И потом, есть куча мест пресс-секретарей. А не возьму их - вас возьму. Я люблю работать с молодыми.

С: Тогда какие материалы вы хотите публиковать в новой газете. Какого жанра, тематики, какие они должны быть?

А.М: Я не являюсь апологетом идеи, что для бабушек можно писать левой задней. Идеал газеты, к которой я стремлюсь – это районка 10-летней давности. Для меня образец - «Шуйские известия». Вот у них 10 лет назад тираж был 50 тысяч экземпляров. И только потому, что журналисты понимали - газету надо делать о людях, об их жизни, о том, что их волнует. А потом, когда начались преобразования, департамент стал довлеть над содержанием газет. И начались все эти безумные интервью губернатора, которые никому не интересны. Сейчас тираж снизился до 7 тысяч. Пропорционально: уменьшилось количество материалов о жизни города – уменьшился и тираж. Я думаю, если делать, то газету о понятных вещах, такую, как мы делали, которая реагирует на жизнь общества и не боится задавать острых вопросов. А ведь острые вопросы это не только политика.

Кстати, я забыл сказать, что я не хочу воровать «Рабочий край», то есть, бренд, свидетельство СМИ останется в собственности у города.

Но почему городская газета не может поднимать острых вопросов? Почему разговор журналиста с чиновником должен проходить только с точки зрения «Чего изволите?» и «Как вам удобно?». Да нифига. Когда журналист встает в позицию, в которой находится сейчас «Рабочий

«А еще я ем христианских младенцев!»

край», это ненормально. Отсюда и вы, приходя после института на работу, чувствуете к себе отношение такое, мол, вы - журналисты, вы все продажные с*ки. Но в наших руках все поменять как в одну сторону, так и в другую.

С: И все-таки для кого будет «Рабочий край»? Какая целевая аудитория?

А.М.: А вот я вам скажу - ни для кого. И для всех. Потому что выживают сейчас две стратегии бумажных СМИ: первые - это издания, у которых четко стратифицированная аудитория («Автодело», «Дом и дача», «Ремонт»), то есть, по интересам, как и мои «1000 экземпляров», а вторые - те, которые предназначены для широкого круга людей, для любого человека. Невозможно сделать газету для одного четко представленного человека в нашем случае. Да и зачем? Она же бесплатная. Там должна быть страничка про футбол, страничка про хозяйство, страничка про ЖКХ. Это многофункциональная газета.

В чем беда журналистики сейчас? Это отсутствие нормальной обратной связи. Вот когда я работал в Ленинце в 88 году, да и в «Рабочем крае», одним из основных был отдел писем. Там сидела куча теток, которые разбирали письма. Люди писали, обращались. А сейчас, когда СМИ смотрят в рот власти и вылизывают ей все места, люди отвыкли к ней обращаться. А я хочу это сделать иначе: вопрос-ответ.

С: А вам не кажется, что такая неопределенность в аудиторном плане может отпугнуть старых подписчиков и не привлечет новых?

А.М.: А что значит отпугнуть? Тебе в ящик положат газету. Бесплатно. Ты можешь ее взять или не взять. Когда мы начинали делать «1000 домов» в центре города, я - любопытный парень, ходил в свой подъезд, в подъезд мамы, знакомых. И вот первый месяц была картина: мы раскидывали газету вместе с пятничным «Частником» и на подоконнике лежит - кучка «Частника», кучка «1000 домов». Люди привыкли, что только дерьмо в ящик засовывают. Но к концу 1 месяца кучка «1000 домов» была в 2 раза меньше, чем у «Частника», а ко второму месяцу не было вообще «1000 домов» на подоконнике. Люди очень хотят читать. У них нет денег, поэтому они смотрят 7 каналов по ТВ. А уж читать местные новости, видеть не мэра, которого они никогда не встретят, а бабушку из соседнего дома - это фантастика.

С: Мы решили провести опрос в одном из самых крупных в Иванове сообществ «ВКонтакте». Вопрос был: читаете ли вы бесплатную прессу, которую в ящик кладут? 80% не читают!

А.М.: А какая бесплатная? «Частник»? А что там читать? Вот я - взрослый человек. Я читаю «Частник», когда мне нужно поменять машину, сделать ремонт, то есть, чисто утилитарно. В противном случае я его выкидываю. Что там читать-то? Давайте определимся, что такое читать? Из того, что кладут в ящики, что можно читать? Счета за газ? Нельзя, но их, конечно, не выкинешь, потому что останешься без газа. Листовки? Я вас умоляю. Все остальное - идет в мусорку. У вас в опросе идеальные результаты получились. Они показывают, что надо делать газету. Люди отвыкли читать.

С: Так, может, проблема как раз в том, что люди и не хотят читать вовсе?

А.М.: Есть «1000 домов» опыт. Хотят они читать. В нашей редакции тогда телефон просто разрывался от звонков.

С: Но «1000 домов» все равно закрылась...

«Сейчас «РК» это газета – Неуловимый Джо»

А.М.: По финансовым причинам.

С: Понятно, но ведь большинство газет по финансовым причинам и закрываются. Это показательно.

А.М.: В данном случае дотации города не дадут закрыться.

С: Еще приведу в пример «Вечернюю Москву». Ситуация очень похожа на нынешнюю с РК: в советское время она тоже гремела, после начала загибаться, тиражи упали, к 2000-му году тираж упал до 7 тысяч - для Москвы это очень вообще крохи. В 2011 году редакция перешла на формат, который похож на тот, что вы предлагаете, выйдут они 3 раза в неделю, один из них - бесплатный в метро. Также это было нацелено на привлечение читателей, увеличение тиражей. Не вышло.

А.М.: А другой пример приведу. У меня живет в столице дочь. Раз в неделю ей приходит газета, которую издает

муниципалитет. Я ее спрашиваю: «Ксюш, вы ее читаете?». Она говорит: «Пап, да. В ней есть все, что нужно, все мероприятия. Мы ее ждем».

Просто нет такого, что газеты раз и все должны умереть. Важно, кто делает их и как. В том же «Частнике» Марина Москалева была редактором приложения «Как дела?», и у них было именно это распространение, на улицах, в руки - оно мертвое. Вот ты идешь на работу, тебе суют в руки что-то. Ну нафига оно мне? Когда тебе приносят домой - это другое.

С: Просто дело-то в том, что у «РК» сейчас есть статус, пусть даже его не читают, но у него есть статус газеты с именем, с историей, с прошлым.

А.М.: А что изменится?

С: А то, что к бесплатной прессе у людей совсем другое отношение.

А.М.: Переломим.

С: А как их перевоспитать?

А.М.: Они никак не перевоспитаются, они просто начнут

«Я не шизофреник»

читать.

С: Вот так просто «раз» и начнут читать?

А.М.: Да, вот так вот просто.

С: Вы сейчас учитываете опыт скорее зарубежных СМИ, а он иной - не как у наших.

А.М.: У нас есть свой опыт - «1000 домов». Давайте не будем выкидывать. Прошло почти полтора года, ко мне до сих пор пенсионерские организации приходят как к редактору, просят чем-то помочь. До сих пор.

С: Пенсионерские

А.М.: А это та самая аудитория. Я не для вас эту газету делаю. Вы все в телефонах. Вы сейчас защищаете «Рабочий край», а в переменах залезете в свой смартфон, и наплевать вам на эту газету. Давайте нормально посмотрим. У этого проекта - лет 15 еще, как и у всей бумаги. Я на вас (молодежь - прим. «Студград») не рассчитываю.

С: В таком случае, как будет развиваться сайт «Рабочего края»?

А.М.: Я думаю, он просто останется. Хотя у меня есть другая идея. Я считаю, и опыт это показывает, что бесплатной газете сайт не нужен. В моих планах - уходить в социальные сети. Это надо сделать, чтобы получить обратную связь. Потому что когда я говорю, что моя цель 4-5 обложек по городу - я не шизофреник, я отдаю себе отчет, что у меня никогда не хватит денег содержать такую армию журналистов, да и нет в Иванове столько журналистов. Это сами люди должны мне сообщать что происходит. Что творится у них на улице, у них во дворе, что управляющая компания не делает ремонт, что там, на крыше, дырка, а власть не едет. Будет сайт, не бойтесь, только другой.

С: Хорошо, в таком случае, какой штат сотрудников вы подразумеваете? Сколько человек, минимум?

А.М.: Штат простой. Редактор, шеф-редактор, ответственный секретарь, 3 журналиста, верстальщик, корректор.

С: И этого хватит?

А.М.: Легко. У меня 2 журналиста сейчас. При этом у меня сайт, на котором выходит до 50 новостей в день, плюс большие материалы и журнал. И на все это у меня два журналиста. Работать просто надо не так, чтобы до обеда и по магазинам. Просто, ребят, ко мне часто приходят и говорят: «Я хочу у вас работать». «А что вы умеете делать?» - спрашиваю я. «А сколько вы мне будете платить?», - слышу я в ответ. Я сразу говорю - иди отсюда. Я с такими разговаривать не буду. Посыл понятен? В средние века человек, приходя к мастеру, доплачивал, чтобы он смог научиться и достиг какого-то уровня. Бог с ним, я не говорю, что молодой журналист должен мне платить, но вы же из университета выходите абсолютно пустые для реальной журналистики. Поймите, регулярная работа это не так: вот сегодня я проснулась и у меня вдохновение. По-

Читаете ли вы бесплатную прессу, рассовываемую по почтовым ящикам?

Проголосовало 493 человека.

[Показать график](#) · [Получить код](#)

- Показать голоса только из России
- Показать голоса участников старше 18 лет
- Показать голоса только женщин

чему так быстро выгорают журналисты? Также как учителя и врачи. Да потому что сохраняются только те, которым все пофиг. Тот, кто реально работает, кто все через себя пропускает - у таких процесс выгорания очень силен.

С: Очень важный вопрос. О деньгах. Откуда возьмутся рекламодатели, если аудитория в новом «РК» останется такой же, как и в старом - люди преклонного возраста?

А.М.: На самом деле - это лучшая аудитория. Люди, которые зарабатывают меньше - умеют копить. И это та аудитория, которая интересует банки, страховые компании, застройщиков. Потому что эти люди берут ипотеку и как-то крутятся, выплачивая ее по 30 лет. Так что это как раз та аудитория. Вот, когда издавал я «1000 домов», пришли рекламодатели и говорят: «Хотим мы застройки рекламировать». Я говорю: «Зачем вам»? Я не понимал. Там же аудитория такая - у нее нет денег. Они мне говорят: «Ты ничего не понимаешь. Эти люди сейчас взяли ипотеку, в квартире - голые стены, и они берут следующий кредит на мебель. Это наши клиенты». То есть по маркетингу там как раз все продумано. Никого из рекламодателей не интересует газета тиражом 1,5 тысячи экземпляров, которая ложится на стол чиновнику. И там нет рекламы, ее там не может быть. Если серьезного человека интересует чиновник, он идет ко мне в «1000 экземпляров», потому что он уверен, что это дойдет до адресата.

С: А как же быть нам, молодым журналистам? Вы говорите, что штат будущего «РК» будет 3 человека, максимум, но нынешняя газета - хорошая площадка для практики студентов. Как будет в будущем?

А.М.: Вы абсолютно точно сказали, штат будет 3 журналиста. Но вы же публикуетесь не как штатный журналист? Я даже сейчас могу сказать. Ребят, приносите материалы, если они интересны, я готов их публиковать и сейчас на существующих ресурсах. Какие проблемы? Штат - это что такое? Это твоя крепость, то, на что ты рассчитываешь, это те кости, которые дают тебе уверенность, что ты точно выйдешь, что бы ни случилось. Вот мир рушится, а ты выходишь. А привлеченные авторы, авторы колонок - твой золотой фонд, ты их любишь, хвалишь и лелеешь.

С: Но вы говорили, что газета будет выходить всего раз в неделю. Хватит ли места для наших публикаций?

А.М.: Для хороших материалов места точно хватит.

С: А еще вы говорили, что хотите публиковать острые вопросы. Но при этом газета будет выходить всего раз в неделю.

А.М.: Еще раз говорю. Для бабушки самый острый вопрос - платежка за электричество. И когда она получит на него ответ: в понедельник или в пятницу - не играет никакой роли. Для вас острые вопросы решаются через смартфон, «Яндекс» и т.д. Набрали в интернете и вперед. Не надо переносить свой опыт на жизнь других поколений. Тут другой подход нужен.

С: Вы сейчас опять говорите, что острым вопросом может стать даже платежка. А к «РК» у вас была главная претензия, что там не обсуждается и не критикуется власть и политика.

А.М.: Где ты это вычитала? Это говорил не я, это мне приписывают. Новый «Рабочий край» - газета без политики. Давайте разграничим то, что я говорю, и то, что за меня говорят. Мне потому интересно было наблюдать за этой дискуссией. Я нигде не выступал, нигде не публиковал ни цифр, ни миссий газеты. Но все пишут.

Н.А. Голубев: Так и сейчас «Рабочий край» – газета без политики, но только на первой полосе – фото мэра.

А.М: И тираж 1,5 тысячи. Сейчас «РК» это газета – Неуловимый Джо. Знаете анекдот? Он неуловимый, потому что нафиг никому не нужен. Но на этого Джо я плачу налоги, бюджет платит 9 млн. за то, что он никому не нужен.

С: Алексей, оказывают ли на вас какое-то давление в связи с инициативой изменения «Рабочего края»?

А.М: А как меня можно на меня давить? Я давно привык к критике в свой адрес. Я равнодушный человек, и много чего в этом городе сделал в области СМИ. Поэтому я рад, что на меня, как ты говоришь, оказывают давление.

Дело в том, что я совсем недавно стал журналистом. Пишу всего лет 7, до этого я был издателем, руководителем. И многие из журналистов, которые сейчас бухтят, работали у меня: я знаю их всех. Проблема в том, что куча народу сейчас рассказывает, какой я плохой. Как я неправильно хочу что-то делать. При этом все соглашаются, что сегодняшний «РК» - не такой, как нам нужен. Но Машкевичу - не отдадим. И третий вариант – сами мы тоже не хотим ничего делать.

Но кто-то должен это делать. У меня есть не очень приличная на этот счет метафора, что импотенты всегда завидуют тем, кто может и хочет. Вот извините. Всегда. Я считаю, что 50% этой критики лежит в этой плоскости. Я никогда не боялся начинать новое СМИ, искать инвесторов, пробивать рынок и что-то изменять.

«Доброе имя – это единственное, что у меня есть»

С:И все-таки представим, что ваша идея провалится – РК закроется навсегда и вас естественно обвинят. Вы к этому готовы?

А.М: Да, и поэтому идея не провалится. Доброе имя – это единственное, что у меня есть. Мне есть, чем заниматься, на самом деле. Сейчас я трачу столько сил и времени не для того, чтобы обгадиться через 2 года. Опыт работы в СМИ дает уверенность, что я деньгами и именем рискую не зря.

С: А посоветуйте, как начать свой тернистый путь? Просто далеко не все работодатели любят молодых журналистов. Когда приходишь на практику, всегда говорят: «Вы из университета, вас надо переучивать». И работают с нами нехотя.

А.М:Когда я работал на «Барсе», у меня был свой подход к таким вещам. Ко мне Страшнов всегда присылал студентов. Я их всех собирал и говорил: «Ребята, лето, практика - я все понимаю. Вам выпить хочется и погулять. Не хотите – не ходите. Прямо сейчас напишите характеристику от моего имени, а я ее подпишу. А уж если хотите чему-то научиться - оставайтесь, но будет тяжело». Обычно из десяти оставались двое, сейчас они на «Барсе» все и работают.

И все люди, которые работают у меня, приходили и проваливали себя. Везде был испытательный срок, какие-то задания. Сейчас мы работаем на vip-аудиторию. В ту редакцию, которая сейчас у меня есть, попасть со студенческой скамьи - невозможно. Просто потому что вы еще не знаете того круга вопросов и проблем, которые волнуют моих читателей. Просто в силу возраста, маленького жизненного опыта.

И вы тоже ее ждете, что за вами будут работодатели бегать. Если они и будут, то там вам предложат такую зарплату, что вы сами от нее побежите. Это же рынок. Профессия журналиста, особенно в Иванове, я бы не сказал, что очень уж классная.

Н. А. Голубев: Выступлю в защиту нынешних рабкраевцев, во-первых это мои товарищи, а во-вторых - это люди грамотные, и я считаю, что они могут писать хорошо с литературной точки зрения. Где они допустили ошибку? То есть, они выполняют те задачи, которые перед ними ставит главный редактор. Придет другой редактор, они бы, может быть, стали по-другому делать эту работу.

«Я равнодушный человек. Я не желаю никому зла. Я просто хочу работать.»

«То есть, пока удобно мы о профессионализме не вспоминаем, как стало неудобно, так сразу: «Мы же профессионалы, как вы нас можете трогать!»

А.М: Да нет у них ошибки.

Н. А. Голубев: Но они останутся без работы.

А.М: Да не останутся они без работы, мы с мэром уже говорили.

Н. А. Голубев: Да, но есть ошибка коллектива в том, что они не пытались воевать с учредителем, менять редактора. То есть спокойно выполняли то, что от них просят. Это правильная позиция наемного журналиста?

А.М: Не знаю. НИКОГДА не был на их месте. Видимо, им нравилось, раз они работали. Я далек от того, чтобы давать оценки личные, а не профессиональные. Но я бы так не смог. Мне бы было скучно. Возможно, они добились это чем-то другим: общением, большим количеством свободного времени. Человек - странное существо. То есть, пока удобно мы о профессионализме не вспоминаем, как стало неудобно, так сразу: «Мы же профессионалы, как вы нас можете трогать!». У меня ведь тоже там полно товарищей, и для меня это тоже непростой ход. Но хороший человек – это не профессия. Давайте встретимся, после работы - чай выпьем. Но это будет после работы. А на работе – профессионализм. С 9 до 6 нет личных отношений - есть работа.

Н. А. Голубев: В любом случае, увольнять будете не вы, а учредитель – городская администрация.

А.М: Я сейчас не хочу ничего общего иметь с чиновниками, никогда рядом с ними не сяду. Город, который сейчас является учредителем, лим и останется, просто передаст дело в руки другому издателю - более мобильному, частному, способному решать вопросы, которые встанут перед редакцией. Сейчас я прекрасно представляю модель будущей газеты. Половина нового «РК» – привлеченные авторы, а не штатные корреспонденты.

С: У «РК» была еще одна важная функция – там публиковались официальные документы. Где они теперь будут публиковаться, если газета будет без политики? Ведь, чтобы они вступили в силу, они должны быть опубликованы в СМИ.

А.М: Не по окладу вопрос. Это должна Городская Дума решать. Это можно сделать в любом СМИ. Читателям, которым

нужны эти документы, удобнее их увидеть в Интернете, чтобы можно было скопировать и т.д.

Вы хоть представляете, сколько стоит бумага? Опубликовать эти документы – безумие. Ни в одной соседней области такого уже нет. Нафига это? Ведь тратятся реально наши деньги, это наши налоги. Я их плачу в бюджет, а они бездарно их используют. Мне обидно.

- Но это не самое обидное, на что тратятся наши деньги.

- Если так рассуждать, нужно опустить руки. Я равнодушный человек. Я не желаю никому зла. Я просто хочу работать. И использовав эти 9 млн, которые закапываются сейчас, можно гарантировано выпускать полноформатное издание для города. Почему никому в голову это не пришло - я не знаю.

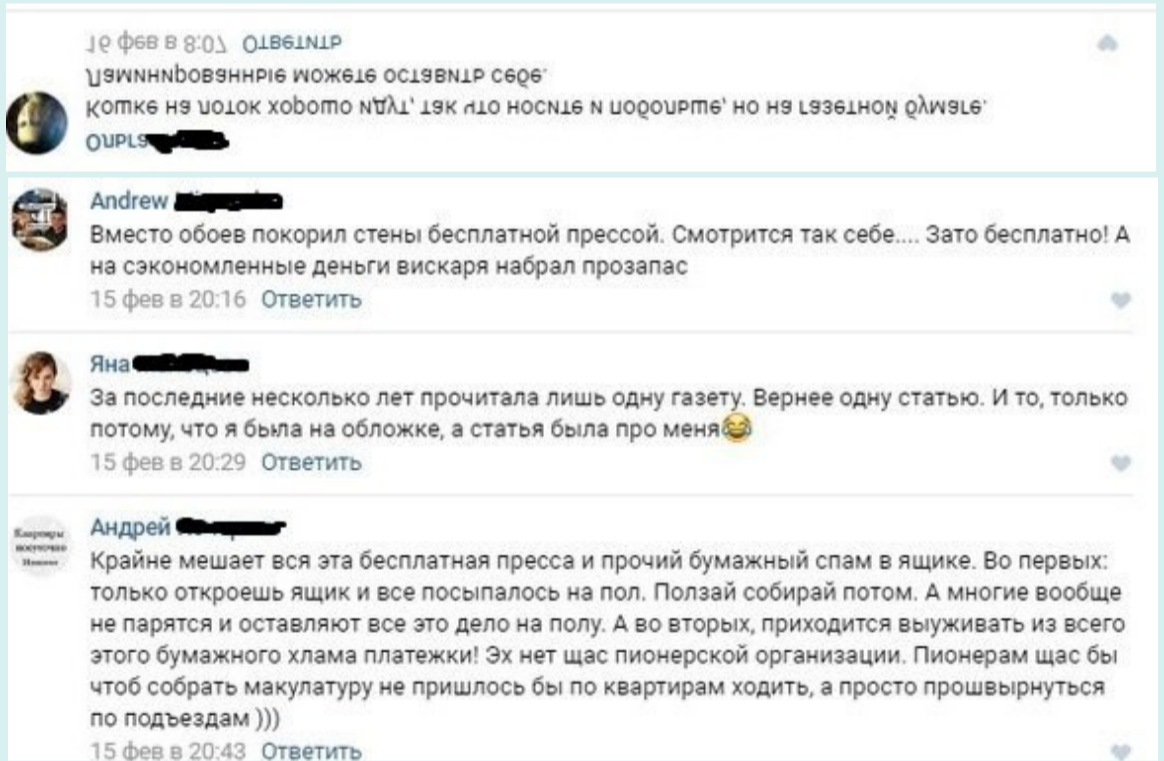
Так и прервалась наша встреча с ныне опальным Алексеем Машкевичем.

Кое-где это был монолог, местами - интервью, а между строк – целая дискуссия. Все потому, что многое из сказанного Машкевичем выглядит крайне противоречиво. Он говорит: бумага не умрет, и предсказывает ей кончину через 15 лет; заявляет - новый «Рабочий край» не будет иметь четкой аудитории и уверяет, что читать ее будут пенсионеры; он критикует - старую редакцию за отсутствие полемики и статью о «кормушках» и предлагает писать о платежках за электричество...

Придираюсь к словам? Да хоть бы и так. За «Рабочий край» тревожно. А встреча наша прояснила главное – изменения грядут, а вместе с ними грядет и Машкевич. Можно ли нашего сегодняшнего героя сравнить со Штольцем Гончарова? Или с фолкнеровским Джейсоном Компсоном? Сегодня это не так важно, важно другое: остальное – Обломовы.

А потому - дорогу новому РК, дорогу частному капиталу.

Дорогу «рабочему» Машкевичу.

Из ИвГУ -

в парикмахеры и в ЗАГС

Дарья Капкова

"Куда и зачем идти учиться? Что даст нам полученное в вузе образование?" - этими вопросами задаются все старшеклассники. Судьбы выпускников нашей кафедры складываются по-разному: когда одни продолжают учиться в магистратуре или устраиваются на крупные федеральные телеканалы, другие делают прически и регистрируют браки.

"Студград" расспросил выпускников нашей кафедры о том, где они трудятся и чем увлекаются после обучения в вузе

а они придираются: выплёскивают эмоции. Вузские знания помогают сделать так, чтобы клиент запомнил тебя не только как мастера, но и как личность, мастерство же — это, прежде всего, самореклама".

Анна Рыбина: "Получила диплом и сразу в ЗАГС — работать"
Отделение: журналистика
Год выпуска: 2014

Динара Сабитова: "Процесс стрижки для меня сродни медитации"
Отделение: РСО
Год выпуска: 2016

Динара Сабитова совмещала учёбу на нашей кафедре с курсами парикмахера: "Я побывала в студии у своего брата в Москве, когда он вёл тренинг по мужским стрижкам. Здесь же впервые у меня в руках оказались ножницы с феном. До того, как получила профессиональное образование (девушка обучалась в одном из ивановских учебных центров, а затем — посещала дополнительные тренинги в Санкт-Петербурге, где сейчас и работает — прим. авт.), красила волосы своим знакомым, родственникам, неумело и криво делала причёски, скажем так, на ощущениях. Больше всего мне нравится стричь, хотя раньше увлекалась колористикой. Процесс стрижки для меня сродни медитации. По прядям отделять волосы и стричь, стричь... Кайф же".

За год работы в сфере красоты Динара набила руку и обзавелась постоянными клиентами. С казусными ситуациями помогает справиться образование, полученное в ИвГУ: "У своеобразных клиентов, не знающих, что они хотят, нужно выпытывать, иногда и по часу, какими они видят себя. Некоторые стесняются пожеланий а-ля розовые пряди, узоры на затылке. У других много "проблем" или нет настроения. Ты предоставляешь качественную услугу,

Анна Рыбина поступила на работу в ЗАГС на следующий день после получения диплома журналиста — 4 июля 2014 года: "Зарплата больше, чем у рядового журналиста, да и работёнка приятнее. Чем в кроссовках лазить по заборам, чтобы проинтервьюировать кого-нибудь, лучше в красивом платье соединять сердца и судьбы".

Кстати, дресс-код для девушки стал самым большим стрессом: "Первое время платья для меня были кошмаром, а сейчас привыкла, не вылезая из них. Но туфли на каблуках до сих пор ужас. Когда регистрируешь около 30 пар в день, ноги отваливаются. Иногда туфельки снимаешь, а пальцы так и остались согнутыми, приходится разгибать их руками".

Однако, работа Анне нравится: "Интересен даже сленг сотрудников. По страшному секрету скажу, что "тазом" называют блюдечко для колец, "счёт 1:0" открывается, если у одного из вступающих в брак он повторный". Тем не менее, девушка признаёт, что залы для молодожёнов не самое необычное в работе органа ЗАГС: "Чаще, когда регистрируешь, думаешь о своём. В первый месяц работы волнуешься, но когда перед тобой в год проходит более 1000 пар, становится всё равно. Отмечу, что через год после поступления на службу успешно прошла конкурс, заняла более высокую должность госслужбы и сейчас в залы женить хожу очень редко - сижу на оформлении документов. Гораздо интереснее общаться с иностранцами, лицами без гражданства, беженцами... По журналистике не скучаю и вернуться в профессию не хочу. Тем не менее, при составлении речи регистрации, документов филологическими знаниями пользуюсь".

Ника Герасимова: "Если я не перестану придумывать названия, будет зоопарк"
Отделение: журналистика
Год выпуска: 2015

Помимо того, что Ника Герасимова, выпускница отделения журналистики, работает над газетой "Простоклашка" для маленьких читателей (при городской школьной газете "Просто КЛАСС!"), она второй год ведёт "Школу вожатых" в ДЮЦ№1: "Идеей создать большую дружную команду и сильный костяк среди вожатых бредила давно. Так совпало, что в том году, мне позвонили из ДЮЦа и спросили, не хочу ли я возглавить Школу Вожатых, которой давно уже никто не занимается. Поскольку у меня опыт работы в лагерях вожатой и воспитателем восемь лет, да и к тому же такое совпадение моих желаний и возможностей - отказываться было глупо. Сама набирала детей, составляла программу, которая отличается кардинально от той, что была на самом деле. Первые полгода мы формируем коллектив: ребята много работают над собой, учатся добру и дружбе, теплее и с понимаем начинают относиться к родителям и ровесникам, знакомятся друг с другом. Затем мы изучаем конфликтологию и психологию, придумываем фишки для будущих отрядов, песни, танцы, отрядные уголки. Мы лепим из пластилина, шьём игрушки из носков, ходим на йогу, которая учит расслабляться и контролировать эмоции. Стараюсь в ребятах воспитывать человеческие качества, чтобы им можно было доверить детей".

Отметим, что из предыдущего выпуска (30 ребят) 22 человека летом работали в лагере "Строитель". Ни одного неприятного случая не произошло. Сейчас у Вероники Олеговны (именно так её зовут дети) обучается 70 слоников (именно так называет Ника младший (второй) состав). Педагог для ребят не только наставник, но и близкий друг, а предыдущий курс — зайцы — для Ники стали правой рукой: они рассказывают младшим об ошибках, опыте работы, как вести себя в разных ситуациях. На занятиях нет обыденности и правил, нотаций, которыми докучают в школах. Здесь каждое занятие — запоминающееся: "Иногда мы находим пару свободных часов в месяц, которые можем потратить на выход куда-либо. Любим ездить поздравлять бабушек и дедушек в доминтернат "Лесное", постоянно делаем для них творческие концерты и готовим вкусности, недавно со старшим составом ходили на детский картонный спектакль "Был бы у меня дракон". С восхищением наблюдали за тем, как оживают картонные персонажи. Ещё вожатки умеют меня классно поздравлять. Несмотря на то, что они не научились скрывать свою подготовку к нашим праздникам, результат всегда интересный и запоминающийся: дружные песни, танцы, деревянные 0 км (логотип "ШВ" — прим. авт.), большие плакаты, спшитые ковры — в общем, вся комната дома увешена их подарками".

Анастасия Давыдова

По направлению к выпуску

Мне всегда казалось, что это время не наступит никогда. Как не верится и сейчас, что всё постепенно приближается к своему завершению. Мы – будущие выпускники. Отправляться после окончания университета в свободное плавание невероятно страшно, друзья! Каждый новый день вносит всё больше смуты в головы, озабоченные поиском смысла бытия и работы, которая даст шанс прокормить наши ненасытные творческие и невероятно амбициозные рты и при этом позволит считать себя человеком, воплощающим в жизнь важные общественные идеалы. Но и это ещё не всё, ведь мы скоро станем выпускниками кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, поэтому именно на наши плечи легла организация ежегодного традиционного кафедрального праздника.

20 февраля малый зал ЦКиО г. Иваново стал местом встречи преподавателей, выпускников, студентов и гостей «Дня кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью». Мы были воодушевлены и готовились весь вечер остроумно шутить и наслаждаться возможностью подвергать всех, а в особенности своих наставников, участию в юмористических конкурсах. Осознание того, что за 4 года на нашем курсе так и не появилось ни одного мало-мальски смешного КВНщика и что это значительно портит наши отношения с юмором, ничуть не смущало. Мы старались изо всех сил и посмеяться решили, прежде всего, над собой, главной сюжетной линией концерта сделав поиск самого вожделенного для любого выпускника предмета – диплома. На 1 курсе никто и не подозревал, что он имеет огромное влияние и так скоро посетит в наших душах сладкий тревожный трепет.

Мысль о том, что диплом нужно написать, защитить, получить, обошла стороной, в нашей инфан-

тильной вселенной он достаётся только путём прохождения хитрого квеста, придуманного профессором Страшновым специально для того, чтоб отсеять плохих специалистов в рекламе и журналистике. И на помощь мы решили позвать не Шерлока Холмса с доктором Ватсоном, не Бетмена, не доблестного Дукалуса с Васей Роговым. Нам помогала Маринка-путешественница со своим верным другом Серебрячком. Они руководили этим праздником жизни, направляя зрителей на пути к заветному дипломчику, который в конце был найден, но принадлежал не выпускникам, а преподавательскому составу, подготовившему очередной успешный выпуск акул пера и креатива.

А всё потому, что все эти 4 года преподаватели были с нами, направляя на нужный путь. Ругали нас за то, что не умеем грамотно оформлять сноски в работах. Напоминали про наши долги, а потом хитро улыбались, когда видели нас в коридоре. Не ругали, когда наши растущие организмы опаздывали на пару из-за очереди в столовой. Переносили семинары, понимая, что мы совершенно не готовы. Отпускали пораньше с пар, чтобы мы успели под-

готовиться к Студенческой Весне. Порой вместо скучных лекций проводили с нами дискуссии на политические темы. Щадили студенческую самооценку и несильно критиковали наши журналистские и рекламные опусы.

Поистине прекрасно то, что мы имеем возможность в комфортной и непринуждённой атмосфере выразить свою благодарность людям, которые в этот вечер становятся нам чуть ближе. Выйдя из стен университета мы обязательно постараемся стать самыми громкими, честными и уверенными в себе борцами за правду и справедливость, самыми неординарными и креативными выдумщиками новых слоганов и эмблем, словом, стать теми, про кого можно сказать – достойный выпускник кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью ИвГУ.

Но пока этого не случилось, лично я буду надеяться, что мой дипломчик о получении высшего образования всё-таки завалится где-нибудь в рюкзаке Маринки-путешественницы или её славного помощника Серебрячка.

Анастасия Седова

«Рай» раю рознь, или как Кончаловского на «Оскар» не позвали

Церемония объявления номинантов на «Оскар»-2017 принесла немало сюрпризов: 14 номинаций у переоцененного «Ла-Ла Ленда», 8 – у недооцененного «Прибытия», 5 – у неоднозначно принятого русскими «Лунного света» и ничего – у «Рая».

А ведь как надеялись, какое триумфальное шествие предрекали наши совсем не ангажированные СМИ новому фильму Андрея Кончаловского! Разумеется, в «Оскар» сразу полетели танки от ведущих лиц российской «культуры». Сверхминистр Мединский, к примеру, тут же заявил, мол, не больно-то и хотелось нам вашего «Оскара», сами своему вельзевулу поклоняйтесь, а Кончаловский и без того все, какие хотел, награды пересобирает.

Сам режиссер, видимо ободренный «Серебряным львом» в Венеции и «Золотым орлом» дома, в России, на свое непопадание в шорт-лист премии отреагировал сдержанно, удачно подметив, что награды и номинации никак не повлияют на качество фильма. Однако причитающиеся статуэтки брал не без довольной улыбки.

И, тем не менее, исключим все подозрения в предвзятости Запада. Чем же был тот «Рай», и почему его не допустили к поклонению главной святыне кинокультуры?

Лента Кончаловского, выполненная в черно-белых тонах, как это и полагается фильмам про концлагерь («Корчак», «Список Шиндлера», «Бабий яр»), рассказывает о судьбе русской аристократки Ольги (Юлия Высоцкая), эмигрировавшей во Францию и ставшей редактором журнала «Vogue». Участие в движении Сопротивления во время Второй мировой приводит Ольгу на допрос к французскому коллаборационисту Жюлю (Филипп Дюкен). История Жюля не лишена трагизма, хоть и показана фрагментарно, впрочем, как и

многое в фильме. Он и его семья живут в постоянном страхе: работа на немцев приносит благополучие, но грядут большие перемены в ходе Войны, и Жюль чувствует, как земля начинает уходить из-под ног. Соблазняя Жюля, Ольга надеется упростить жизнь своему товарищу, находящемуся в плену, как и она. Однако и это героиню не спасает: ее друзья-сопротивленцы героически стреляют Жюлю в спину прямо в глаза у его маленького сына.

Следующий этап жизни Ольги – концлагерь. Он показан Кончаловским с помощью грамотной антитезы: быт (если его можно так назвать) заключенных здесь противопоставляется беззаботному существованию и постоянным кутежам офицеров. Здесь, без преувеличения, – ад на Земле. Здесь, по выражению главной героини, «были люди – стали ботинки».

Параллельно с историей Ольги зрителя знакомят с еще одной ключевой фигурой, показанной, к слову, гораздо ярче самой героини, – немецким аристократом Хельмутом. Хельмут – самый популярный тип героя в литературе и кинематографе, он – романтик. Он благороден, начитан, высокоморален. Да он, черт возьми, настолько романтичен, что даже рояль в его присутствии способен играть без участия пианиста.

Раньше в подобного рода картинах говорить о немцах, как о людях рефлексированных и незлобных по натуре было как-то неприято. Теперь же «очеловечивание» фашистов происходит из фильма в фильм, правда, с переменным успехом. В том же «Сталинграде» Бондарчука история любви немецкого офицера и советской женщины кажется высосанной из пальца и абсолютно неуместной на фоне, казалось бы, колоссальной битвы, которая из-за надуманной сценаристами романтики абсолютно теряет привлекательность и размах.

Здесь же немец непросто человек, но человек высоких моральных принципов и убеждений. И такой подход к рассмотрению личностей немецких офицеров картину заметно оживляет, ведь наличие со-

вести у врагов до сих пор оказывается большим сюрпризом для российского зрителя.

Мало того, Хельмута даже можно назвать немцем «русифицированным»: он искренне влюблен в русскую литературу и Чехова (о чудо, он даже пишет по нему диссертацию!), восхищается коммунистами и Сталиным. А на фоне своих коллег в концентрационном лагере, которые с цинизмом и насмешкой хвастаются перевыполнением нормы по уничтожению 10 тысяч евреев в день, Хельмут и вовсе кажется героем без страха и упрека. И вся эта характеристика была бы поверхностной и излишне претенциозной, если бы ни один существенный недостаток: Хельмут очарован Гитлером и идеей создать подлинный рай на земле.

Встретив в лагере Ольгу и узнав ее (внимание!) по затылку, Хельмут неожиданно вспоминает, как уже видел ее 20 лет назад на одной вилле во Франции. И это поистине удивительно, ведь молодому человеку на вид чуть больше 30, в то время как самой Юлии Высоцкой – 43. Но это, разумеется, пустяки, ведь и такие фактические ошибки никак не сказываются на содержании ленты, хоть и значительно осложняют восприятие взаимоотношений героев.

К прочим абсурдам ленты относятся и постоянно сквозящие штампы о русских: только русские не сдаются под пытками; встретившись в любом другом месте, русские заключенные, по словам Ольги, сели бы вместе пить водку и братоваться; а все немцы и французы, показанные в ленте, к русским испытывают прямо-таки первородный страх вперемешку с восхищением. Да и сама героиня слегка портит образ русской аристократки и княгини сплошными просторечиями и весьма вульгарным образом существования, как до, так и во время заключения (а потому оправдать это тяжелой трудовой жизнью не удастся).

Характер Ольги непонятен зрителю, неясна нам и ее мотивация. В «Рае» нет даже

намек на раскрытие характера главного персонажа. О русской аристократке нам известно очень мало, и даже эта крупница ее биографии выявляет ужасающее отсутствие цельности образа.

Единственное, что может сгладить впечатление от неровностей фильма и заставить досмотреть «Рай» до последних секунд хронометража, несмотря на штампы, нестыковки и претенциозность, – это пронизывающее весь фильм интервью трех героев, на разных языках повествующих о своей жизни, мечтах, ошибках и сомнениях. Интервью, где вопросы задает будто бы сам Господь, выслушивающий отчет о земных деяниях Ольги, Жюля и Хельмута. Каждый из героев по-своему ведет себя на персональном Страшном суде, но есть и то, что объединяет столь непохожих друг на друга персонажей: никто из них не сожалеет о сделанном выборе, приведшем к коренному перелому их жизни. Именно это связывает воедино все фрагменты истории и открывает истину: «Рай» – это фильм даже не о человеческой судьбе, не о страданиях и смерти, но о стихийном и губительном развенчании идеалов (какими бы извращенными они ни были изначально). Это разочарование оборачивается падением нации сверхлюдей, уверенных, что рай невозможен без ада, который уже создан ими в концлагерях.

И каждый из героев, так или иначе, приходит к своему пониманию эдема, их слова складываются воедино в воображении зрителя. «Рай» – это любовь и самопожертвование, это идеал, к которому человечество еще не готово.

Сильвия фон Харден: бескомпромиссна, и потому неудобна

Усталость. Какой она может быть? И от чего? От мира, общения с разными людьми, работы, требовательного начальника, от себя... Немецкий художник-экспрессионист Отто Дикс посвятил этому чувству несколько картин. Одна из них — «Портрет журналистки Сильвии фон Харден».

На полотне мы видим женщину бальзаковского возраста. Сильвия фон Харден свободолобива, прямолинейна. Она не боится говорить правду, за что ей не раз приходилось заплатить довольно высокую цену. Она — философ. Даже в уютном кафе, где можно было забыться, растворившись в ароматах алкоголя и дыма от сигарет, дама что-то обдумывает, о чём-то размышляет, вспоминает о том, что было не так давно.

Её болезненный вид — длинные, тонкие пальцы, мертвенно-мраморное лицо, опущенные уголки губ — выдаёт журналиста, изрядно вымотавшегося и недовольного происходящим вокруг, интеллигента, ведущего беспорядочный образ жизни. Невольно вспоминаются строки из стихотворения «Газетный день» Владимира Маяковского:

*"Если встретите человека
белее мела,
худощего,
худей, чем газетный лист, —
умозаклучайте смело: или редактор,
или журналист"*

Из-за многочисленных интервью с людьми искусства, часто порочными, фон Харден провела несколько бессонных ночей за пишущей машинкой. И, если раньше расслабиться помогал кофе, то сейчас дама не представляет своей жизни без папирос, которые по всей видимости, она курит одну за другой, и напиток покрепче.

Сильвии фон Харден сочувствуешь. Видно, что она устала от внимания и работы, хочет побыть одна, погрузиться в личные переживания — это свойственно творческим натурам, интеллектуалам. Возможно, она в этот момент жалеет о том, что вопреки желанию родителей — аристократов (это выдаёт приставка-частица к фамилии "фон", оттопыренный мизинец как признак благородства и единственное украшение, думается, фамильная драгоценность — кольцо) она стала зарабатывать на кусок хлеба таким неблагодарным трудом, как журналистика... Сильвии фон Харден приходится считаться и с властью, навязывающей идеи журналистам. А общение с гордецами и лицемерами доставляет мало удовольствия, однако, журналистке ничего не остаётся, как работать и доказывать себе, близким и всем окружающим, что всё происходящее — есть норма.

Но обратимся к Маяковскому. Отметим, что этот поэт и журналистка Сильвия фон Харден жили в одно и то же время и, хочется верить, что их мировоззрение во многом совпадало. Это выражалось в начитанности и собственном видении мира, критичном отношении ко многому и ко многим и бесстрашии перед будущим, искренности и смелости, индивидуальности, которую они не боялись проявлять. Думается, что статьи фон Харден, как и произ-

ведения Маяковского были экспрессивными, отчасти даже пропагандистскими и в то же время лиричными. Они оба были бескомпромиссны, и потому неудобны. Скорее всего, они никогда не встречались, хотя роман у них мог бы быть одним из самых заметных в истории. Но вот смогли бы ужиться эти два божественных персонажа под "одной крышей"? Маяковскому вечно хотелось бури, страсти и праздника, который так умело создавала Лиля Брик. Ему нужна была муза, разбивающая сердца поклонникам, счёт которым никто не ведёт. С ней он был откровенен

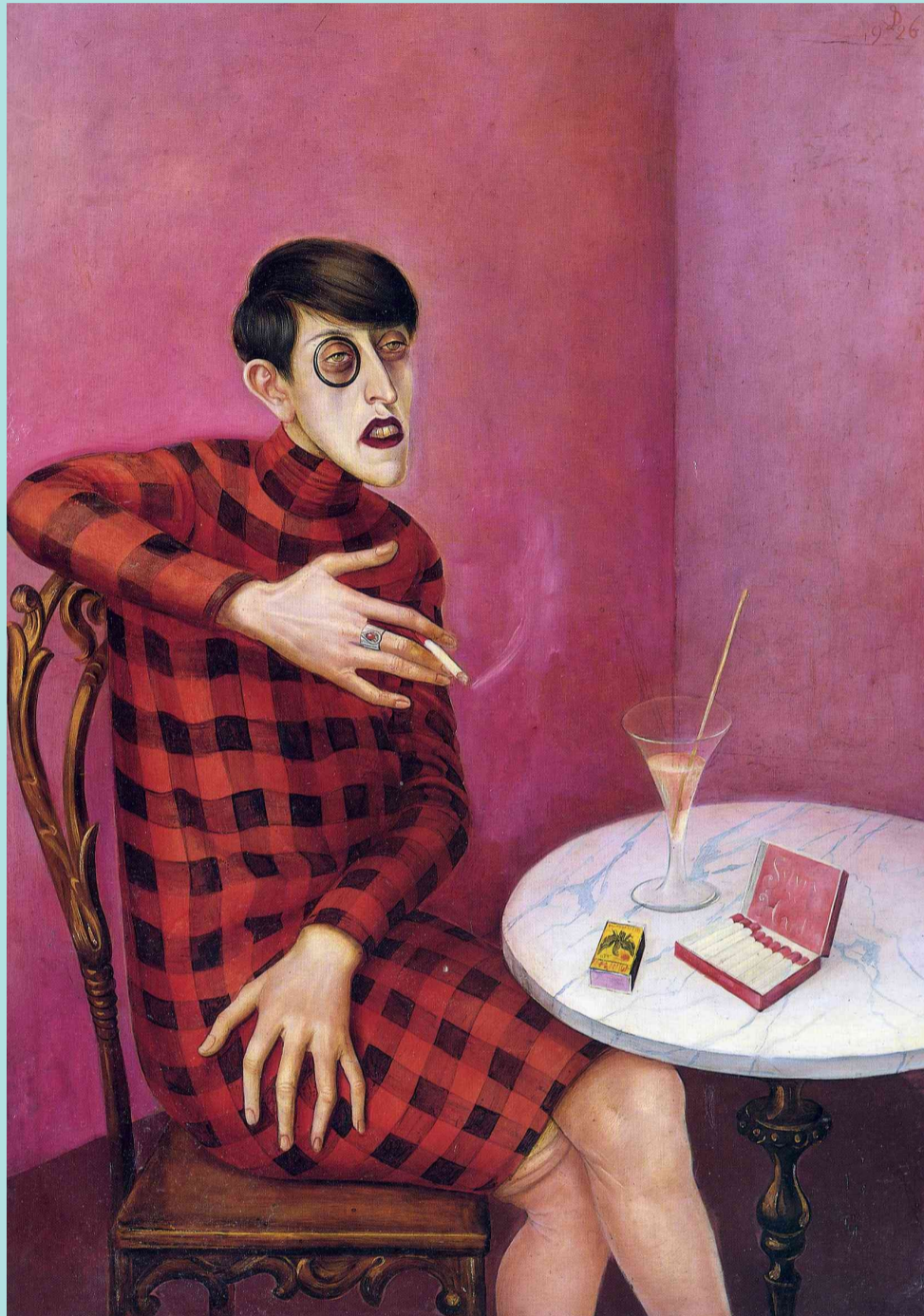
в любви, даже будучи на коротком поводке. Сильвии, как мне кажется, тоже был нужен человек, который мог превратить серые будни в великолепный праздник с гирляндами и виски. В этом могло быть её спасение. Тем не менее, будучи чересчур категоричной, она делает выбор между идеалом и одиночеством в пользу второго. Среди доброго десятка поклонников она не может выбрать ни одного. Уверена, что, как и Брик, Сильвии посвящали стихотворения и поэмы, боготворили её. Но на фоне элегантной и эффектной Лили, умело магнетизировавшей мужчин, Сильвия меркнет, оставаясь у "разбитого корыта": журналист не умеет принимать подарки, отказывается от них, так как хочет оставаться до конца свободной и независимой. Маяковский и фон Харден не могли быть вместе ещё и потому, что поэт не мог не ревновать, не устраивать сцен. Сама Лиля признавалась, что Владимиру нужно мучаться, так получают лучшие его произведения. Несмотря на то, что в конце жизни поэт пытался найти замену своей любви, понимание и простор для творчества ему были не нужны. Ту гармонию, что могла быть между Сильвией и Владимиром, Маяковский променял на страсть и боль - чувства "благодарности" Лили. Стоит отметить, что во взглядах фон Харден и Маяковского читается усталость. Кажется, что они оба загнаны в угол: жизненными обстоятельствами, перипетиями в их судьбах... Несмотря на то, что художник писал картину по памяти, именно на тягость и переутомление журналистки Дикс обращает наше внимание. Почему так устала Сильвия? Что её раздражает? Кому она может быть неудобна? Почему её взгляд так тускл и не выражает ни одной позитивной эмоции? Неужели это профессия вытягивает столько сил и нервов? Может быть, будущее всех журналистов настолько жуткое и беспросветное? Художник Дикс лишь грамотно ставил вопросы. Ответить на них должен каждый самостоятельно.

Дарья Капкова

Пышный декаданс Сильвии фон Харден

«Портрет журналистки Сильвии фон Харден» художника Отто Дикса без колебаний можно отнести к экспрессионизму. Однако изображение журналистки не только отражает внутренний мир героини, но и даёт представление о нравах и привычках всей немецкой богемы первой трети прошлого века.

Воспроизведенная на полотне атмосфера не позволяет усомниться, что Сильвия фон Харден — личность экстравагантная. Художник изображает журналистку в среде, очевидно, характерной для интеллектуальной элиты того времени: стул в стиле ар-нуво, коктейль, папиросы и спички на круглом столике. Присутствующие на картине в небольшом количестве реалистические детали, призваны создать атмосферу пышного декаданса не только вокруг Сильвии фон Харден, но и в ее душе.

Сама журналистка изображена художником не без иронии. Прическа, платье, яркая губная помада в тон, монокль и сигареты - атрибуты женщины современной, феминистки настроенной, интеллектуально вознесенной. Однако всего пара деталей мгновенно превращает созданный образ в пародийный и неестественный: это неуклюже сползающий чулок и отсутствующее стекло в монокле (напоминающее о резко ударившихся в модный декаданс хипстерах). Выражение лица журналистки также

не отличается особым интеллектом, оно, скорее, уставшее, имеющее нездоровый оттенок из-за сигарет, алкоголя и трудностей профессии.

Угнетает и цветовая гамма, подобранная Отто Диксом. Изобилие темно-красного создает стойкие ассоциации с чем-то пошлым, вычурным, нарочито кричащим о своей «самости».

Мне портрет напомнил «Любительницу абсента» Пикассо, быть может, именно из-за цвета и алкогольного лейтмотива. Но и здесь надо сделать оговорку в пользу героини знаменитого испанца — ее лицо и поза, хоть и описаны с большой долей условности, не столь вульгарны и не вызывают отторжения.

Изображение журналистки 20-х годов почему-то заставило крепко задуматься о преемственности истории. Сегодняшняя культурная богема поменялась, прямо скажем, несильно. Такой «светско-кабачный» образ по-прежнему в головах у многих ассоциируются с людьми интеллектуальных профессий, исключениями не стали и писатели с журналистами. Надо признать, что и сами деятели культуры способствуют укреплению такого стереотипа (взять хотя бы Буковский, который вообще всю свою писательскую карьеру построил на описании жизни «стандартного» творческого человека).

Да и сам неверно понятый и гипертрофированный декаданс стал невероятно популярен в последнее время у молодежи.

Актерство, жизнетворчество, бесконечные поиски таланта там, где его найти нельзя, а между ними бесконечное самоуничтожение с целью познать истину и показать свою исключительность — мечта и жизненный девиз многочисленных «не таких, как все» молодых людей.

А портрет, написанный Отто Диксом аж 90 лет назад, почему-то очень гармонично смотрится в современных реалиях, где на многих современных журналистов и журналистку в целом нельзя смотреть без иронии. Забавно и жутко: именно руками подобных «утонченных» и интеллектуально возвышенных Сильвий фон Харден спустя каких-то десять лет создавалась мощнейшая в истории пропагандистская машина.

Анастасия Седова